

ПОИСК В ПУТИ

Размышления о гастролях БДТ имени М. Горького

ТЕАТРАЛЬНЫЙ июль в Москве был помечен emblemой Ленинградского Большого драматического театра. Гастроли его стали событием. Не ожидавший на протяжении почти месяца интерес, оживленный обсуждением спектаклей, обещавший прелесть... Сейчас, когда театральный сезон близится к завершению, особенно настоятельно представляется необходимость осмысления гастрольных итогов.

Притягательная сила БДТ решительно чужда сенсационности. Быть может, этот театр с особым на то правом именуются академический — чувство собственного достоинства, серьезность и интеллигентность в самом полном значении этих понятий, свобода от какой бы то ни было суетности — вот чем отмечено искусство коллектива, возглавляемого Г. Товстоноговым. Театр словно бы и не стремится к открытиям, однако эти открытия совершает — не только в силу таланта, но потому, что ставит перед собой большие общественные, философские и эстетические задачи, потому, что его академичность неотделима от острого чувства времени и неиссякаемой творческой энергии.

Как и каждый серьезный театр, он озабочен своим репертуаром и жадно ждет появления близкой ему истинно художественной пьесы. Но это не пассивное ожидание, не расчет на счастлиную удачу. Будучи убежденным в том, что драматургия в сценическом искусстве первоначальна, театр твердо знает, что никто за него не сделает то, что он обязан сделать сам. Вот почему он не жалуется на «отставание драматургии», а настойчиво и энергично строит, создает свой репертуар. Определяющим критерием в этой нелегкой работе являются насущные социальные и нравственные проблемы современности. При этом, нас-

леду и развивая коренную традицию русской сцены — психологический реализм, театр и его художественный руководитель обнаруживают широту не только в содержании, но и в формах своего искусства.

КОГДА стало известно, что в ознаменование 80-летия Октября театр обратился к «Тихому Дону», возникло, казалось бы, естественное опасение: как четыре тома великой эпопеи уложатся в один сценический вечер? Г. Товстоногов, выступая однажды по телевидению, признался, что на вопрос М. Шолохова: «Не боитесь ли?» — ответил: «Боясь». После премьеры стало очевидно: оснований для этого были. В спектаклях ощущение дисгармоничности, порой иллюстративности, драматургии иных фрагментов предстает незавершенной.

Но со всей определенностью хочется сказать: театр вышел победителем в решении сложнейшей художественной задачи! Основа этого достижения в том, что, устояв перед соблазнами построить сюжет на личных отношениях героев, вступив в полемику с былыми киноэкранировками шолоховского романа, режиссер Г. Товстоногов, его соавтор по сценической композиции Д. Шапир, художник Э. Кочергин, композитор С. Слонимский и актеры сосредоточили все свое внимание на одной проблеме: трагедия человека, оказавшегося между двумя берегами жизни, побуждаемого делать то, что противно его естественным стремлениям, и потому неотвратимо идущего к гибели.

Приходилось слышать упреки: новый Мелехов показан не оправданно прижизненным, «малогармотным», что он чрезмерно и подчеркнуто истеричен. Мне кажется, такие

упреки несправедливы. Природа этого истинно трагического образа в том, что полнейшая бытовая достоверность героя находится в редком согласии с широким обобщением, что смелость Григория в сцене после боя («кого рубил?»), проявляющаяся в истерическом припадке, сродни всей атмосфере спектакля. Что касается О. Борисова, думаю, он идеально воплотил режиссерскую мысль и открылся как большой трагический актер.

Помнится, в театральной прессе высказывались сомнения относительно возможности современной трагедии на сцене. Надо признать: жанровое обозначение «трагедия» исчезло с титульных листов современных пьес. Но думаю, что Большой драматический театр своей художественной практикой отыскивает новые пути к возрождению этого жанра.

Современный — в буквальном смысле этого слова — трагедий стал и давно идущий на сцене БДТ, но впервые показанный в Москве спектакль «Три мешка сорной пшеницы». Режиссера, как и писателя, остро тревожит то, что тревожит всех и каждого: как поступить верно и честно, как не поступить убеждениями в самых сложных обстоятельствах. Не в формулах, не в дидактических тезисах возникают эти вопросы, а в судьбах живых, борющихся героев. Вновь мы встретились с О. Борисовым в роли Кистерева, человека иррационального, победившего на войне, но не выдержавшего схватки с бесчеловечностью, корыстью, карьеризмом и подлостью. Смерть Кистерева трагична, и трагедия эта звучит, как грозный приговор тому, что мешает движению жизни, отражает правственный климат общества.

В центре же действия —

юный Женя Тузупов, так органично слившийся с молодым актером Ю. Демичем, Женя, делом, поступком ответивший на вопрос, каждодневно возникающий и сегодня перед сверстниками и перед людьми старшего поколения. С огорчением скажу, что всегда обаятельный и достоверный К. Лавров в роли старшего Тузупова обился на чуждый ему и театру путь важной поучительности, едва ли не самодовольства. Между тем, помнится, на прежних спектаклях жизненная умудренность этого сильного и честного человека подкупала редкой естественностью, едва уловимой проницей и грустью.

Есть в «Трех мешках» еще один характер, который воплощает в себе твердую веру в непоколебимость доброго начала в нашей жизни. Это — старый председатель колхоза Андриан Фомич. Можно было только подивиться тому, что эта роль выпала В. Стрельчичу. Однако Г. Товстоногов вновь доказал беспредельность стереотипного представления о границах творческих возможностей артистов: а старом Фомиче — Стрельчиче мы ощутили не только истинность умудренного жизненным опытом современного крестьянина, колхозного руководителя, но и нечто близкое к толстовскому пониманию человека, живущего для людей.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ вошел в искусство БДТ неожиданно — в замысле М. Розовского — поставив на малой сцене мучительно предвещающее повесть «Холстомер». Достаточно эксцентрический эксперимент волеи, энергией и талантом Товстоногова превратился в трагический спектакль большой силы.

Не надо удивляться тому, что «История лошади» вызвала споры — таков удел мно-

гих выдающихся произведений. Но, право же, странно звучит и вопрос корреспондента одной из газет, заданный исполнителю роли Холстомера Е. Лебедеву: «Вы, должно быть, во время работы часто бывали на ипподроме, в конюшнях, наблюдали за поведением лошадей?». Какие конюшни? Неужто воображение ных критиков поразила только действительно виртуозная пластика артистов? Но ведь мы вновь восторжеслись по-трясающей человеческой трагедией Толстого — так у писателя, так и на сцене.

«История лошади» в БДТ представляет, мне кажется, важный шаг на пути овладения театром Толстого.

Среди великих писателей Большому драматическому театру, быть может, наиболее близок М. Горький. И на этот раз на гастрольной афише значится недавно поставленная пьеса — «Дачники». Дорога последовательность Г. Товстоногова в познании мира горьковских идей и образов. Спектакль вызывает чувство высокого уважения, отмечен актерским профессионализмом. И все же, мне кажется, что в «Дачниках» режиссеру и театру не удалось достигнуть тех высот, что и в знаменитых постановках «Варваров» и «Мещан». Сила этих спектаклей заключается в том, что духовное мещанство и варварство подвергались в них глубокому социально-психологическому анализу, что в судьбах героев ощущалась губительность равнодушного мирозерпения, трагедия людского непонимания, разобщенности. «Дачники» лишены такой, говоря словами Чехова, «общей идеи». Режиссер справедливо ушел в тень декларативный, прагматичный образ Марьи Львовны. И все-таки главным в спектакле

стала иллюстрация — талантливая, но иллюстрация! ничтожность дачников.

ПРИМЕЧАТЕЛЬНАЯ особенность нынешних гастролей Большого драматического театра — и в том, что он впервые познакомил москвичей с неизвестной им прежде работой на малой сцене. Театр прав, обозначив малую сцену как поле своей экспериментальной работы. Это сказывается, во-первых, в расширении репертуара, в выборе пьес, совсем не похожих друг на друга. Экспериментальный характер малой сцены состоит и в том, что, выступая вместе с одаренными молодыми актерами, артисты старшего поколения открываются в новых, ранее неизвестных качествах. Хочется назвать прежде всего Н. Ольхину, Л. Макарову, В. Ковель, З. Шарко.

Во многих театрах страны идет сейчас «трагикомедия А. Соколова» «Фантазия Фарычева», впервые поставленная на малой сцене ВДТ С. Юрским. Не могу согласиться с иными моими коллегами в их неприятии С. Юрского в роли Фарычева — помню, он и другие актеры чутко слышат стиль трагикомедии. Если же говорить о Юрском, то остроту тревогу и сожаление вызывает другое: почему этот редкостно талантливый актер, взращенный и созревший в БДТ, практически не занят в репертуаре театра?

Большой драматический театр привык к похвалам, к признанию своих неоспоримых достоинств. Знал он и критику. Будем верить в то, что этот сильный и самобытный коллектив и апрель сохранил достоинство большого советского художественного коллектива и высокую требовательность к себе на уже проторенных и еще неизведанных дорогах искусства.

А. АНАСТАСЬЕВ